

УДК 130.123

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.4.69-77>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Социально-политические предпосылки классового подхода: обзор интерпретаций

Петросов Д.М.

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д. 18 корп. 1, Российская федерация*

Аннотация. В статье исследован генезис классового подхода к науке в рамках марксистской теории, исходя из материалистического понимания истории. Рассматриваются два ключевых кейса: (1) первоначальное формирование подхода в марксизме и (2) его универсализация в СССР, где он стал методологическим принципом всей науки. Показаны различные трактовки причин появления классового подхода: от инструмента защиты социалистического проекта (Маннгейм) до средства преодоления капиталистической идеологии (Лукач). Советский опыт рассмотрен через различные концепции: исключение «неправильных» идей (Фирсов) или учёных (Малинкин/Лекур), однако их критика игнорирует вариант реальности идейной классовой борьбы. Альтернативой выступает теория UCF-ml, объясняющая неудачи отчуждением в СССР науки от пролетариата при сохранении партийного принципа. Особое внимание уделено трансформации подхода после сталинской критики теории Марра, приведшей к перформативному сдвигу и имитации классового анализа. Поставлен вопрос о субьекте, применяющем классовый подход.

Ключевые слова: экстернализм, классовый подход, принцип партийности, советская наука, теория двух наук

Для цитирования: Петросов Д.М. Социально-политические предпосылки классового подхода: обзор интерпретаций. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025; (4(71)):69–77.

Socio-Political Prerequisites of the Class Approach: A Review of Interpretations

Petrosov D.M.

*Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences
and Mass Communications, 420008, Kazan, Russia*

Abstract. The article examines the genesis of the class approach to science within Marxist theory, based on a materialist understanding of history. Two key cases are considered: (1) the initial formation of the approach in Marxism and (2) its universalization in the USSR, where it became the methodological principle of all science. Various interpretations of the reasons for the emergence of the class approach are discussed: from a tool for defending the socialist

project (Mannheim) to a means of overcoming capitalist ideology (Lukács). The Soviet experience is examined through various concepts: the exclusion of “incorrect” ideas (Firsov) or scientists (Malinkin/Lekur), but their criticism ignores the reality of ideological class struggle. Particular attention is paid to the transformation of the approach after Stalin's criticism of Marr's theory, which led to a performative shift and imitation of class analysis. An alternative is offered by the UCF-ml theory, which explains the failures by the alienation of science from the proletariat in the USSR while maintaining the party principle. The question is raised about the subject applying the class approach.

Key words: externalism, class approach, principle of partisanship, Soviet science, theory of two sciences

For citation: Petrosov D.M. Socio-Political Prerequisites of the Class Approach: A Review of Interpretations. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025; (4(71)):69–77. (In Russ.)

Введение

Классовый подход является мало-исследованным феноменом внутри марксистской теории. Зачастую о нём выражаются в пренебрежительном ключе, как будто его несостоятельность заранее очевидна любому¹. Для нас такая ангажированность только подтверждает наличие живого нерва, который он задевает и сегодня. Под классовым подходом мы понимаем набор определённых исследовательских процедур, которые опираются на принцип партийности. Объект подхода – интеллектуал или знание. Задачей классового подхода к науке в рамках марксистской методологии является вскрытие партийности того или иного конкретного феномена/актора науки. Также он позволяет создавать объяснительные модели теоретической практики в целом.

Исследование классового подхода к науке не может быть полным² без обнаружения его материальных предпосылок³, т.е. применения к самому себе.

Это возможно, поскольку он позиционирует себя как часть науки, которая является предметом его исследования. Оттолкнувшись от обзора существующих позиций по предпосылкам классового подхода к науке на примере: а) становления этого подхода в марксизме в принципе, б) практик его применения в советской науке. Также мы будем обращать внимание на то, используют ли авторы непосредственно классовый подход для анализа классового подхода.

Методология

В постановке вынесенной в название проблемы мы исходили из материалистического понимания истории. Основу работы составил компаративистский анализ различных интерпретаций генезиса классового подхода. Особенностью нашей работы является попытка применить классовый подход к самому себе, то есть опора на принцип партийности в анализе становления концепции и её функционирования.

¹ Характерный случай предоставляют сами марксисты, как например, Д. Лекура в работе «Существует ли пролетарская наука?».

² Классовый подход расширил наше представление о том, что является системным исследованием научного знания, внося в область анализа факторы внешней для науки среды, которые влияют на это знание.

³ Материальными предпосылками являются экономический базис, положение автора в обще-

ственном разделении труда, современная теория политической конъюнктуры и тому подобное. Теоретические предпосылки классового подхода были нами рассмотрены ранее: это закон партийности теоретической практики, который следует из марксистской теории отражения и теории идеологии.

Становление подхода в классическом марксизме

Одну из попыток предпринял К. Маннгейм – он не говорит прямо о классовом подходе, скорее о марксистской теории идеологии в целом, которая стремится «дезаурировать» своих оппонентов (в лице либералов, консерваторов и фашистов), вскрыв связь их теоретических построений с общественным бытием [1, с. 58].

Согласно Маннгейму, мышление зависит от того, как сочетаются в нем рациональные и иррациональные составляющие. Различные комбинации образуют различные идеологии: бюрократический консерватизм, консервативный историзм, фашизм, либерально-демократическое буржуазное, социалистическо-коммунистическое мышления. Конкретно в мышлении социалистов¹ он обнаруживает синтез крайнего рационализма с крайним иррационализмом/интуитивизмом [1, с. 97]. Теория – функция от действительности, и она не может дать ответы на все вопросы, потому что само применение теории изменяет действительность, приводя к изменению теории. Это уже не буржуазное мышление (которое стремится рассчитать всё), хотя социалистическое мышление не отказывается от расчёта как такового: его (расчета) предметом может быть «только следующий шаг», потому что он изменит практику и потребует новый расчёт [1, с. 96].

По мнению Маннгейма, корни такого мышления обнаруживаются в особенностях жизни класса-носителя. Во-первых, из долгосрочной стратегии борьбы, для которой необходимо чётко понимать текущий момент и иметь «рационализированную концепцию истории». Материализм этого мышления происходит из бли-

зости угнетённых слоев – носителей социалистического мышления к «материально-метафизическому субстрату» [1, с. 183]. Во-вторых, теоретизированный характер этого мышления объясняется необходимостью создать связи между пролетариями, которых объединяет сходное положение в общественно-экономической системе, но фактического единства у них нет: теория показывает их общность и мотивирует солидаризацию [1, с. 99]. Наконец, иррационализм происходит из понимания, что если текущая структура рационализирована, то рассчитать её падение нельзя, прорвать её нельзя иначе как революцией [1, с. 100].

Здесь стоит остановиться подробнее. Последняя предпосылка держится на первой (если рациональность структуры исходит из рационализированной концепции истории), вторая действительно исходит из «историко-социального бытия» (термин Маннгейма), а вот первая оказывается подвешена в воздухе, как бы априорной. Стратегия («расчёт на действие *a la longue*»), из которой происходит рационализированная концепция истории – это уже мыслительная конструкция, но откуда Маннгейм её выводит? Можно связать это с его последующими рассуждениями о том, что социалистическо-коммунистическая утопия отодвигает себя в далёкое будущее [1, с. 180–181]. Что, в свою очередь, обусловлено тем, что таким образом эта утопия пыталась обособить себя от консерватизма и хилязма. Но эта конкуренция идей всё ещё не объясняет мышление из бытия.

Уничтожение утопий оппонентов через демонстрацию их обусловленности бытием Маннгейм представляет как способ защиты. Либерализм, выдвигая свою альтернативу, натёкался на критику консерваторов в духе «это лишь одно из возможных мнений». Марксизм разоблачает и обес-

¹ Маннгейм не разделяет социалистов и коммунистов, что для нашей работы вполне приемлемо.

ценивает другие позиции, не оставляя выбора¹.

В итоге историко-социальное бытие влияет на социалистическое мышление только как близость к материально-метафизическому субстрату и как разрозненность класса. Все остальные особенности появляются в ходе конкуренции в интеллектуальном пространстве. Поэтому Маннгейм ближе к методу исследования интеллектуальных сообществ Р. Коллинза, где знание объясняется из взаимодействия интеллектуалов, нежели к классовому подходу. Он рассматривает предпосылки классового подхода именно как социально-философские.

Иначе анализ проводит Д. Лукач. Особенности пролетариата в том, что его труд наиболее явно представляется ему самому как товар, без каких-либо иллюзий, как в случае с, например, духовным трудом [2, с. 256]. Рабочий претерпевает эксплуатацию, поэтому ему непосредственно дано, что он является объектом производства. Но в отличие от других исторических форм эксплуатируемого класса, он является объектом не перманентно, а лишь в рабочее время, т.е. выходит из этого состояния, значит может абстрагироваться от него – выходить за рамки непосредственно данного [2, с. 251–252]. Возникает самосознание, проявляются опосредствования, снимается фетишизм – т.е. обнаруживаются отношения между рабочим и капиталом [2, с. 253]. Происходит расколдовывание капитализма, и появляется практическая задача по его преодолению [2, с. 264–265]. В свою очередь, из этой практической цели – *тотального* преодоления капитализма, общество как целое становится предпосылкой метода. Так выявляется связь бытия и мышления [2, с. 249].

¹ Причём марксисты не идут дальше: не переходят к оценочно-ориентированному подходу в понимании идеологии, ведь тогда бы им пришлось признать частичность и своей теории [5, с. 94].

Отсюда появляется как основная теоретическая предпосылка классового подхода (тождество бытия и мышления), так и его практическая функция – быть частью проекта преодоления капитализма. Предпосылки, обнаруженные Лукачем, носят политэкономический характер.

Маннгейм и Лукач анализируют генезис самой теории и метода, в то время как существуют практики применения классового подхода, анализ которых может что-то сообщить о тех предпосылках, при которых люди обращаются к классовому подходу. Важным примером здесь выступает советский кейс.

Классовый подход в советской науке

Принцип партийности (основа классового подхода) был универсальным элементом методологии советской науки и философии [3, с. 477]. Универсальность – это не фигура речи: можно привести ряд монографий, авторы которых пытались рассмотреть некоторую предметность в логике классового подхода в философии (Б.А. Чагин «Марксистско-ленинский принцип партийности в философии: социальный, гносеологический и логический аспекты»), истории и историографии (Н.А. Бурмистров «Партийность исторической науки» и «Классовая природа партийности исторической науки») и даже естественных науках (П.В. Алексеев, А.Я. Ильин «Принцип партийности и естествознание»). Рассмотрим несколько объяснительных концепций подобного интереса к классовому подходу.

Сначала обратимся к исследователям вне марксистского дискурса, которые также искали социальные предпосылки подобного интереса, но не опирались на классовый подход. Одним из таких исследователей является российский социолог Б.М. Фирсов. Согласно ему, большевики на собственном опыте поняли, что свободная наука способствует

революционным настроениям [4, с. 70]. Поэтому они ввели два механизма контроля духовной сферы жизнедеятельности: (1) «учреждения-монстры», которые управляли соответствующими сферами, (2) цензура. Последняя началась как фильтр на «выходе», т.е. контроль того, что выпускалось в печать, но постепенно перешла в фильтр на «входе»: при появлении идея должна была пройти предварительную цензуру [4, с. 70]. Таким образом, у Фирсова классовый принцип оказывается средством контроля, прежде всего, инакомыслия, т.е. исключения неправильных идей [4, с. 80].

Ещё один вариант объяснения предлагает другой российский социолог А.Н. Малинкин. Он рассматривает классовый подход как вариант социологизма, который, в свою очередь, является формой методологии подозрения¹. Его функция – «теоретическое обоснование новой формы дискриминации и преследований в обществе по социально-классовой и социально-групповой принадлежности» [5, с. 152].

Здесь же заложено принципиальное различие концепций Фирсова и Малинкина. Если у Фирсова классовый подход используется для обнаружения «вредных» идей, которые могут воздействовать на людей, то у Малинкина это борьба с «вредными» людьми. Сама возможность такого применения классового подхода подтверждается теми критериями буржуазности, которые применялись марксистами: это могло быть как соответствие принципам диалектического материализма, так и социально-экономическое положение автора².

¹ Малинкин также даёт своё понимание генезиса самого марксизма. Он говорит «слепой гуманистической вере» К. Маркса и Ф. Энгельса [5, с. 154–155], т.е. проводит психологическую редукцию. В силу идеалистичности этого хода, такое понимание мы рассматривать не будем.

² См. работы «Идеалистическая диалектика в XX веке» Ю. Н. Давыдова, «Классическая и современная буржуазная философия» М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьева, В.С. Швырева.

Как объясняли советский кейс марксисты? Французский философ Д. Лекур рассматривает классовый подход в контексте феномена Т.Д. Лысенко, который сформулировал сильную версию партийности – теорию двух наук³. Он объясняет его успех несколькими мотивами советского государства. В частности, лысенковскую сильную версию он связывает со скрытой классовой борьбой [6, с. 132–134]. Но поскольку сам Лекур не допускает существования классовой борьбы в науке [7, с. 4], классовый подход у него выступает как идеологическая ширма для политических целей советского руководства: обеспечение верности интеллектуалов власти [6, с. 132–134]. Здесь между не-марксистом Малинкиным и марксистом Лекуром нет никакой разницы.

Ещё одну позицию представила маоистская организация UCF-m1⁴, которая выступила с критикой работы Лекура⁵. Они не отрицают ни действительности классовой борьбы, ни её возможности выражаться в теоретической форме, согласны с сильной версией партийности. Поэтому для авторов не столько стоит вопрос о причинах такого значимого положения классового подхода в советской науке и философии, сколько вопрос о конкретно-исторических условиях применения классового под-

³ Теория двух наук – один из двух вариантов объяснения закона партийности. Согласно ей, партийность ученого формируется институтом, в рамках которого он занимается теоретической практикой. Поэтому буржуазная партийность обусловлена тем, что наука как институт является частью капиталистической формации. Альтернатива этому взгляду – теория двух философий, которая связывает партийность с габитусом ученого. Далее мы будем различать их как *сильную* и *слабую* теории партийности, где к слабой относится теория двух философий как претендующая только на объяснение философских идей, но не научных.

⁴ Union des communistes de France marxiste-léniniste.

⁵ Есть основания считать, что к этой критике имел отношение А. Бадью, который состоял в этой организации.

хода. Наука, будучи процессом, имеет в качестве оси классовую борьбу и диалектику трёх «терминов»: массы, партии и государства [7, с. 20–21]. Большевики недооценили роль первого: оторванная от масс наука не получала вовремя необходимой обратной связи о результатах применения своих теорий¹, в частности, мичуринской биологии², что привело к принятию ложных знаний.

У нас есть три (объединяя Маликина и Лекура) объяснения предпосылок, и все они носят политический характер (в отличие от Лукача). Фирсов строит свои рассуждения на скрытой предпосылке, что классовый подход используется как инструмент борьбы за власть без привязки к борьбе классов – исключительно политические группировки. Между ними принципиальная разница, аналогичная разнице между идеологией как ложным и идеологией как ложным, но не лживым. Эта деталь, на которой подробно останавливается Маннгейм, является сегодня, на наш взгляд, одной из границ между наукой и конспирологией. Фирсов находится в логике заговора и не скрывает своей ангажированности по отношению к предмету, то и дело превращая своё исследование в обвинительную речь [4, с. 71–73]. Его объяснение наиболее далеко от классового подхода.

Маликин и Лекур уже не рассматривают классовый подход как «разрядку сверху», но отрицают возможность классовой борьбы в науке. То есть это часть «материальной» классовой борьбы (борьба людей), а не «идейной»

(борьба идей) – теоретическое обоснование для борьбы с классовым врагом, материальной, а не идейной нейтрализации. Это объяснение уже ближе классовому подходу, однако только тому варианту, который опирается на слабую версию.

Предпосылки, выделяемые Фирсовым и Маликиным/Лекуром являются политическими. В отличие от них, UCF-ml объясняют появление классового подхода в советской науке именно необходимостью вести теоретическую борьбу, а особенности его применения выводят из структуры советской науки. Их вариант относится к классовому подходу, который опирается на сильную версию, а сама предпосылка является социальной.

Однако все три объяснения упускают, что понимание классового подхода в советской науке и философии менялось. В качестве точки перехода антрополог А.В. Юрчак выделяет статью И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». Критикуя учение Н.Я. Марра, Сталин разрывает связь между научностью и партийностью [8, с. 105–106], отказываясь от сильной версии. У этого действия два важных следствия:

(1) Государство/партия в одностороннем порядке прекращает «идейную» классовую борьбу в советской науке. Но классовый подход никуда не исчезает (приведенные выше монографии написаны позднее), потому что существует «несоветская наука» – зарубежная (=буржуазная)³. Просто исчезает один из объектов.

(2) Если раньше у идеологического дискурса была господствующая фигура, которая могла его редактировать, то отвязав истину от партийности,

¹ UCF-ml пишут, что на момент 1948 г. (сессии ВАСХНИЛ, где победила точка зрения Лысенко) не было однозначных свидетельств в пользу конкурирующих концепций. Поэтому на их взгляд, были важны результаты массового применения подхода. С этой точки зрения массы, применяющие достижения науки, являются участниками научного процесса.

² Этот тезис о необходимой связи науки с массами напоминает концепцию пролетарской науки А.А. Богданова, которая схожим образом трактует партийность институционально.

³ «Идеалистическая диалектика в XX веке», «Критика современной буржуазной теоретической социологии», «Классическая и современная буржуазная философия», «Новейшие течения буржуазной философии» и т.д. – все эти работы анализируют западную или дореволюционную мысль.

Сталин закрывает вход в этот метадискурс, оставаясь последним редактором. Со смертью Сталина идеологический дискурс становится авторитетным (классовый подход в том числе как часть идеологического), то есть воспроизводство формы становится важнее передачи смысла [8, с. 555].

Особенность авторитетного дискурса Юрчак видит в перформативном сдвиге: возможности изменить смысл при сохранении формы, т.к. смысловой редактор исчез [8, с. 555–556]. Это означает, что классовый подход перестал выполнять свои функции внутри советской науки: ведь его стало можно имитировать. Более того, если исходить из сильной версии, то идейная классовая борьба внутри советской науки не могла прекратиться и продолжилась, однако одна из сторон добровольно сложила оружие, а оппоненты теперь имели возможность маскироваться под борцов за классовую принадлежность, имитируя язык¹.

Что происходит с классовым подходом после публикации Сталина²? Концепция перформативного сдвига представляет собой веский аргумент против институционального понимания партийности в принципе. В ситуации отсутствия метадискурса в пролетарской науке (как и в буржуазной, добавим мы) остаётся лакуна, где в форму может закладываться обратное содержание. Из-за чего принадлежность к ин-

ституту не означает автоматически ту же партийность. Должно быть что-то ещё, что определяет партийность. Этим чем-то может выступать габитус. Поэтому полноценное исследование партийности в рамках сильной версии требует анализа как институции, в которой действует интеллеktуал, так и его габитуса.

Пока же выдвинем следующую гипотезу: отказ от сильной версии происходит в силу высокой цены ошибки: наука включается в производительные силы, отбрасывание научных знаний по партийным соображениям могло вылиться в конкурентную слабость, опасную в условиях стартовавшей холодной войны.

Означает ли это, что классовый подход – слишком дорогостоящий метод, который ограничивает научный прогресс? С точки зрения сильной версии, корень проблемы не в классовом подходе, а в структурной особенности советской науки (в отсутствии связи с массами). С точки зрения слабой – здесь с самого начала не было классового подхода (который возможен только в философии), а только его идеологическая имитация.

Итак, сама возможность такой имитации ставит вопрос о субъекте, применяющем классовый подход. Для исследования чего необходимо обратиться не столько к советскому кейсу, сколько к самим фигурам Маркса и Энгельса, включив в анализ понятие личности как совокупности общественных отношений.

Также мы установили, что существующие объяснения предпосылок классового подхода располагаются по трём группам: (1) социальные (Маннгейм, UCL-ml), (2) политэкономические (Лукач) и (3) политические (Фирсов, Малинкин, Лекур). Некоторые из них, как было сказано выше, могут комбинироваться, но большинство являются альтернативами друг другу.

¹ Точку зрения слабой версии на этот вопрос мы не рассматриваем, потому что статья Сталина никак не влияет на материальную классовую борьбу. Например, ситуация с увольнением Э. В. Ильенкова из МГУ только подтверждает, что идейная классовая борьба внутри философии продолжилась (причем в достаточно явном виде, учитывая, что Ильенкова осудили за гносеологизм, а не по какому-то не связанному с теорией поводу).

² Мы не будем фокусироваться на точке зрения слабой версии, поскольку для неё применение классового подхода обусловлено не институтом, а габитусом. Вполне возможно, что статья Сталина каким-то образом повлияла на интелектуалов, однако отследить это без социологических исследований будет сложно.

Подведем итог: мы обнаружили некоторые материальные предпосылки классового подхода. Несет ли эта детерминированность какие-то принципиальные ограничения или вовсе опровергает подход? Например, Маннгейм считает, что обусловленность не является источником заблуждений, а лишь задаёт ограничения и возможности для знания [1, с. 62–63]. Венгерский философ Б. Фогарши указывает, что это формальный аргумент, поскольку даёт абстрактно-всеобщее опровержение любому знанию заранее¹. В то время

как требуется конкретный анализ конкретного знания и его роли [9, с. 199]. Фогарши тут не столько критикует, сколько дополняет Маннгейма, и поэтому мы можем согласиться с обоими.

Сама проблематизация факта детерминированности знания переводит разговор в сферу этики. Мы это видим на примере Фирсова, хотя здесь можно было бы рассмотреть интерналистов, которые приравнивают обусловленность знания к его неполноценности². Но этическая проблематика – это уже область другого исследования.

Список литературы / References

1. Маннгейм К. Идеология и утопия // К. Маннгейм. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–267.

Mannheim K. Ideology and utopia // K. Mannheim. Diagnosis of our time. M.: Jurist, 1994. Pp. 7–267. (In Russ.)

2. Лукач Д. Классовое сознание // История и классовое сознание; пер. с нем., предисловие С. Н. Земляного. М.: «Логос-Альтера», 2003. С. 179–302.

Lukacs D. Class consciousness // History and class consciousness; trans. from Germ., foreword by S.N. Zemlyanoy. M.: «Logos-Altera», 2003. P. 179–302. (In Russ.)

3. Ипполитов Г.М. Принцип партийности исторической науки: неактуальное наследие советских времен или сегодняшняя методологическая данность? (дискуссионные заметки). *Известия Самарского научного центра РАН*. 2015; (17 (3-2)):475–483.

Ippolitov G.M. The principle of party spirit of historical science: an irrelevant legacy of Soviet times or today's methodological reality? (discussion notes). *Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2015. 2015; (17 (3-2)):475–483. (In Russ.)

4. Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950–1980-е годы. СПб.: Из-

дательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. 476 с.

Firsov B. M. History of Soviet Sociology: 1950–1980s. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2012. 476 p. (In Russ.)

5. Малинкин А.Н. К истории отечественной социологии 1920–1930-х гг.: советский марксизм vs «социология знания». *Социологический журнал*. 2021; (3):147–174.

Malinkin A. N. On the history of domestic sociology of the 1920–1930s: Soviet Marxism vs. «sociology of knowledge». *Sociological journal*. 2021; (3):147–174. (In Russ.)

6. Lecourt D. Lyssenko Pistoire réelle d'une «science prolétarienne». Paris: François Maspero, 1976. 269 p.

7. UCF-ML La situation actuelle sur le front de la philosophie: Contre Lecourt et Althusser. Paris: UCF-ML, 1977. 31 p.

8. Юрчак А. В. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное, 2014. 664 с.

Yurchak A. V. It was forever, until it ended. The last Soviet generation. M.: New Literary, 2014. 664 p. (In Russ.)

9. Фогарши А. Социология знания и социология интеллигенции (новая по-

¹ Фогарши несколько искажает слова Маннгейма, ставя знак равенства между утверждением ограничения знания и его ложностью вовсе (см. последнюю ссылку на Маннгейма).

² Эта неполноценность знания выражается либо в его ненаучности, либо в бессмысленности, либо прямо в ложности.

пытка опровержения марксизма. *Под знаменем марксизма*. 1930; (7–8):194–206.

Fogarashi A. Sociology of knowledge and sociology of the intelligentsia (a new

attempt to refute Marxism. *Under the banner of Marxism*. 1930; (7–8):194–206. (In Russ.)

Информация об авторе

Петросов Даниил Максимович, аспирант, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. ORCID ID 0009-0003-1825-9184, E-mail: petrosov.danil@yandex.ru.

Information about author

Petrosov Daniil Maksimovich, postgraduate student, assistant, Kazan Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. ORCID ID 0009-0003-1825-9184, E-mail: petrosov.danil@yandex.ru.

Поступила в редакцию 15.09.2025; принята к публикации 19.10.2025.

Received 15.09.2025; Accepted 19.10.2025.